

Диана БАЛИБАЛОВА

ИВАН БАЛИБАЛОВ — ЛЕТОПИСЕЦ ГОРОДА КЕМЕРОВО

В творчестве каждого писателя, художника есть главная тема, которая волнует его, к которой он постоянно возвращается. Такой темой для моего отца, Ивана Алексеевича Балибалова (1911–1991), была история города Кемерово.

Отец приехал в Кемерово (тогда Щегловск) осенью 1930 года и поступил в химический техникум, поселился он в студенческом общежитии на Советской улице. Общественного транспорта не было, осенние улицы утопали в грязи. Город в то время был небольшой, но уже тогда поражали его перспективы.

Вот что пишет об этом отец в своей книге «Кемерово»: «Первая пятилетка – памятная веха в индустриальном взлёте Кузбасса и его нынешнего административного центра – города Кемерово. Кемеровские шахтёры и коксохимики начали её урало-сибирской переключкой. В связи с переводом уральских домен и сталеплавильных печей на минеральное топливо потребность в кемеровском коксе стремительно нарастала...

В августе 1929 года на левом берегу Томи, возле разъезда Ишаново, была заложена шахта с годовой производительностью 150 тысяч тонн, получившая потом название «Пионер». В декабре этого же года на коксохимзаводе вступила в строй третья коксовая батарея. Выжиг кокса удвоился.

В перспективном плане создания второй угольно-металлургической базы Кемеровскому промышленному району отводилось особое место. Наличие сырья – коксующихся и сапропелевых углей, запасы огнеупорных глин, диабазы, известняка, бутового камня, гравия, леса, многоводная река, железнодорожная связь, удобная промышленная площадка и относительная обжитость густонаселённого района – всё это обуславливало создание здесь мощного энергохимического комплекса.

Планируемый Кемеровский энергокомбинат являлся уникальным не только в отечественной, но и в мировой углехимии. В ту пору предприятия немецкого химического концерна «Фарбениндустри», как и наши отечественные Рубежанский и Дорогомиловский анилино-красочные и Орехово-Зуевский

завод пластических масс, работая на привозном сырье, специализировались на выпуске одного-двух продуктов, в зависимости от рынка сбыта. Все побочные химические вещества, получаемые в процессе переработки бензола и фенола, выбрасывались в атмосферу или спускались в канализацию.

Кемеровский энергохимкомбинат планировался на принципиально новой основе – комплексном использовании как углей, так и химических продуктов, получаемых в процессе коксования или полукоксования...

Трудно ли было кемеровским строителям закладывать фундамент промышленного комплекса? Да, нелегко. Им предстояло вести разведку недр для закладки шахт, создавать строительную базу, строить дороги, жильё, готовить кадры строителей и эксплуатационников. Если Кузнецкий и Магнитогорский комбинаты строились с помощью иностранных специалистов, то Кемеровский комплекс углехимии проектировался и создавался преимущественно силами молодых советских инженеров и рабочих, не обладавших ещё опытом работы...

1 июня 1930 года состоялась закладка цехов нового коксохима – основного предприятия Кемеровского энергохимкомбината...

Сентябрь 1930 года начинался в Щегловске организацией сразу трёх крупных строек – первой в Сибири мощной районной электростанции, цинко-серноокислотного комбината и закладкой на левобережье Томи (в районе нынешней сортировочной станции Предкомбинат) шахты «Щегловская».

Перед молодёжью открывался огромный жизненный выбор, и это как-то компенсировало те немалые трудности, с которыми они сталкивались. Время было голодное. Продовольствие распределяли по карточкам, всё население города было разделено на категории. По высшей категории обеспечивались продовольствием и промтоварами только высококвалифицированные рабочие и специалисты. Студенты к этой категории не относились. Для них было организовано трёхразовое питание в столовой техникума, но этого было недостаточно. Они старались попасть на практику и летом во время каникул на коксохимзавод, где их оформляли на рабочие должности. Отец с первой же практики закрепился на заводе, а в 1933 году его оформили на должность техника, хотя он ещё не защитил диплом.

Приходилось ему участвовать и в ликвидации аварий на заводе. Вот как он описывает одну из них: «Зима 1931 года явилась тяжёлым испытанием для строителей Коксостроя. Вслед за лютыми январскими морозами пришли февральские метели. К этому

времени над котлованами был поставлен деревянный тепляк – довольно громоздкое сооружение объемом около 70 тысяч кубометров. В февральскую метельную ночь, когда землекопы убрали последние вагонетки грунта, а каменщики закладывали бутобетонный фундамент под плиту батареи, пятнадцатиметровой высоты дощатые стены не выдержали напора пурги и рухнули в котлован. Тревожный гудок поднял на ноги весь город. К рассвету на площадке Коксостроя собрались почти все горожане, чтобы помочь строителям разобрать завалы.

Хотя последствия катастрофы были и тяжёлыми, но коксостроевцы не пали духом, не растерялись, с невиданным упорством принялись они вновь за работу. Во второй же день на стройке появились призывы: «Даёшь тепляк за месяц! Даёшь коксовые батареи в срок!» <...> В мае тепляк был готов, и в конечном итоге каменщики начали кладку огнеупоров на месяц раньше намеченного срока».

В техникуме работал сильный преподавательский состав, студенты очень серьёзно относились к учёбе. Отец не только отлично учился, но и участвовал в работе научных кружков.

Весной 1934 года, когда отец проходил преддипломную практику на коксохимзаводе, его послали в командировку. Он в своей книге пишет об этом очень сдержанно: «Большую тревогу вызывала остановка кладки коксовых батарей, от пуска которых зависело начало строительства азотно-тукового завода и других смежных производств. Главная причина остановки строительства была в том, что огнеупорщики украинского завода не имели ещё опыта обжига сложных фасонов динасового кирпича, не справлялись с его поставками.

Серьёзные проблемы выявились и в проектировании всего промышленного комплекса. В среде специалистов старой школы появились признаки уныния и растерянности, под сомнение была поставлена вся проблема создания Кемеровского промышленного узла.

Потребовалось участие наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе в решении узловых вопросов. Разобравшись во всех деталях строительства, он обязал автора проекта печей инженера Лоханского упростить фасоны кирпича, а работников Харьковского института огнеупоров – совместно с инженерами заводов найти рациональные пути обжига кирпича».

В одной из кемеровских телепередач отец рассказал, что встречался в Москве с наркомом Орджоникидзе. Я захотела узнать подробности, и вот его рассказ: «Я готовил дипломную работу, вдруг меня

вызывают к директору техникума и предлагают срочно выехать в Харьков, в институт огнеупоров, и затем возглавить работу по отбору и отправке огнеупорного кирпича в Кемерово. Дело в том, что для окончания строительства коксовой батареи не хватало огнеупорного кирпича. А он производился под Харьковом, на Рубежанском заводе. Но в то время там обнаружили брак, производство временно приостановили, руководителей завода обвинили во вредительстве, а в Кемерове срывался пуск коксовой батареи. Нарком Орджоникидзе во время своего пребывания в Кузбассе пообещал, что огнеупорный кирпич будет, но потребовал сделать точный расчёт требуемого количества. Сделали расчёт и послали туда коммуниста, бригадира огнеупорщиков Макара Митрофановича Рытенкова, чтобы он организовал отправку кирпича. Однако там нужно было проверять качество кирпича, делать лабораторные анализы, а Рытенков не имел специального образования. Он слал на Коксострой телеграммы, чтобы приехал инженер или техник. Выбор пал на меня. Я должен был заехать в Москву, получить мандат от наркома, а затем сменить в Харькове Рытенкова.

Мне выписали командировку, и я поехал. В столице меня встретил представитель «Кемеровококсохимстроя», мы поехали в представительство и стали ждать звонка от секретаря Орджоникидзе. Нам позвонили вечером следующего дня, сообщив, что нарком примет нас в 10 часов, назвали адрес, куда явиться. В назначенное время приехал Орджоникидзе, прошёл через приёмную, где мы сидели, поздоровался и попросил подождать. Через несколько минут его секретарь пригласил нас в кабинет. Нарком вышел из-за стола, мы представились, он внимательно посмотрел на меня, повторил мою фамилию. Крепко пожал мне руку и произнёс всего одну фразу: «Мы верим в молодёжь!». Запомнились его пронзительный взгляд и энергичное рукопожатие. Я вышел из кабинета и стал ждать представителя. Вскоре он вышел, и мы пошли за документами. Они уже были оформлены и подписаны наркомом. Получив их, мы поехали в представительство. Там долго обсуждали, как мне действовать, с кем нужно будет встретиться. Представитель позвонил на Украину, сообщил о моих полномочиях. На следующий день я выехал на харьковском поезде, имея мандат, подписанный Орджоникидзе, чековую книжку и право на месте набирать рабочих и производить с ними расчёты за работу».

Я спрашивала отца, почему он никогда не рассказывал подробно об этой командировке, о встрече с Орджоникидзе. Наконец, меня интересовало, а как

же с защитой диплома? Отец усмехался и говорил, что вот этого-то он и не мог никому объяснить долгие годы. «Мандат наркома не только давал мне права, но и налагал огромную ответственность. Я должен был из бракованного кирпича отобрать тот, который мог быть использован для постройки коксовой батареи. О мере моей ответственности мне популярно разъяснил Рытенков: «Ваня, если кирпич попадётся с раковиной, то коксовая батарея лопнет, тебе дадут 10 лет как вредителю, но ты молодой, отсидишь, ещё успеешь жениться, а мне уже 40 лет, у меня дети, я не выдержу». Вот с таким «напутствием» я и начал работу. Я делал лабораторные анализы, проверял чуть ли не каждый кирпич, следил за отгрузкой проверенного мною кирпича, еженедельно выплачивал рабочим зарплату. Командировка затянулась на четыре месяца.

Когда я приехал в Кемерово, то все мои однокурсники защитили дипломы и разъехались. А я чуть не остался без диплома. Доложив руководству о проделанной работе, я спросил, как мне быть с дипломом. Результатами моей командировки все были довольны, кирпич пришёл вовремя, сроки ввода коксовой батареи не срывались (17 мая 1934 года газета «Кузбасс» сообщала: «Первая батарея Коксостроя вступила в строй действующих предприятий Урало-Кузнецкого комбината»), но диплом мой не был готов. И мне пришлось срочно садиться и дописывать его, чертить чертежи и всё, что положено. Я сдал дипломный проект, защиты как таковой не было, поставили мне оценку «хорошо» и выдали документ. Потом у меня однокурсники допытывались, когда была защита, почему мне за диплом не поставили «отлично», ведь я был отличником? Что я мог ответить? Время было такое, что обо всём этом лучше было не распространяться. Главное – батарея до сих пор работает».

На коксохимзаводе отца уже ждали, он стал работать сменным мастером, ему дали комнату в четвёртом доме на улице Ермака. Но проработал он недолго. Осенью 1934 года был призван в Красную Армию. Медкомиссия ещё в техникуме признала, что он не годен к строевой. Но во время призыва обнаружилось, что среди кемеровских призывников много малограмотных и мало комсомольцев. Была дана команда «улучшить» эти показатели. Так отец попал на действительную службу в Красную армию.

Служил он в районе Гродекова (ныне г. Уссурийск) на Дальнем Востоке в артиллерийской разведке.

В 1936 году отец вернулся из армии и стал работать на опытном заводе полукоксования, потом перешёл в исследовательскую лабораторию, где отрабатывались новые технологии по методикам и при

участии московских учёных. Работы были закрытого характера, руководил ими П. П. Трофименко, с которым отец в те годы дружил. Вскоре отца избирают секретарём комсомольской организации управления «Кемеровокомбинатстроя».

В довоенные годы город стремительно рос, и вместе с ним так же быстро росли люди, осваивая новые профессии, современную технику, меняя уклад жизни. Трудовая биография отца подтверждает это. Начав работать в газете «Кузбасс» в апреле 1937 года репортёром промышленного отдела, вскоре он становится заведующим промышленным отделом, у него накапливается материал для будущей книги. Работа в газете во многом способствовала этому.

Обращает на себя внимание номер газеты за 8 декабря 1938 года, где на второй и третьей страницах дан «разворот» под названием «Социалистический город Кемерово – детище Сталинских пятилеток». Здесь впервые город показан как промышленный центр Кузбасса. Безусловно, в подготовке этого материала участвовал заведующий промышленным отделом газеты И. А. Балибалов. В нашем домашнем архиве до сих пор хранятся те фотографии. Думаю, что именно тогда он и начал собирать материал для книги о Кемерово.

Вместе с ростом промышленности город развивался и как культурный центр. Газета стала уделять большое внимание вопросам культуры, образования и воспитания. Кроме постоянной «Литературной страницы», появилась и «Страничка для детей», где публиковались не только произведения для детей, но и стихи и письма самих детей, небольшие рассказы кемеровских школьников.

Особое внимание уделяла газета драматическому театру, введя специальную рубрику «Театр». В ней отец публиковал свои первые театральные рецензии: «В кривом зеркале» и (в соавторстве) о премьере спектакля «Без вины виноватые» по пьесе А. Островского. Отец очень любил театр, впоследствии написал ряд пьес, одна из них – «Горный удар» – была поставлена в Прокопьевском драматическом театре в 1984 году.

В номере от 1 ноября 1940 года он публикует рецензию «О романе «Возвращение» (заметки читателя)». Роман новосибирской писательницы Анны Герман был первым романом о современном Кузбассе. Её приезд в Кемерово весной следующего года стал значительным событием в культурной жизни города. 13 апреля 1941 года в газете было опубликовано фото, где она беседует с двумя сотрудниками редакции, один из них – И. А. Балибалов. Это фото до сих пор хранится в нашем семейном архиве. Отец

писал ей в 60-е годы, просил рассказать об этом романе, но она очень кратко ответила, что роман был изъят из библиотек, она давно не занимается литературным трудом, живёт в Москве у дочери (её дочь – народная артистка СССР Инна Макарова).

В 1941 году отец успел напечатать 20 статей. Одна из его статей называлась «Давайте по-настоящему любить свой город!», где он очень страстно пишет о том, что Кемерово нужно превратить в город-сад. Он был назначен заведующим отделом партийной жизни, это означало, что он мог замещать редактора газеты; перешёл на второй курс литературного факультета Новосибирского пединститута. Однако началась война, которая перекроила все планы.

4 июля 1941 года он уже шагнул в армейском строю к вокзалу. Поезд шёл на запад. О своём пути на фронт отец написал в очерке «Дело было подо Ржевом», который был опубликован в сборнике воспоминаний «Такой нам выпал жребий» (Кемеровское книжное издательство, 1989).

«Из Новосибирска, где формировалась наша отдельная телеграфно-строительная рота, эшелон шёл на предельной скорости. Даже на узловых станциях остановки были короткие. А тут вдруг остановка на пустом месте, в перелеске. Что случилось? <...> В тёмно-свинцовых тучах сверкали яркие вспышки, словно лопались электролампочки... Командир роты <...> сказал будничным голосом: «Снаряды рвутся. Зенитные батареи стреляют», и пошёл дальше вдоль вагонов...

Все мы были не новобранцы, а призывники запаса первой очереди, недавно вернувшиеся с действительной военной службы, но такого раньше не видели <...>

На станцию Перовскую, в восточном пригороде Москвы, эшелон пришёл глубокой ночью. Внезапно нас подняли по тревоге... Кругом темно. Где-то вдали грохочут орудия... Лучи прожекторов со всех сторон прощупывают небо, закрытое всклокоченными тучами. Так это же налёт на Москву!

<...> Станция Бологое в этот июльский солнечный полдень предстала перед нами невообразимой свалкой искорёженных вагонов. Эшелон наш загнали в уцелевший после бомбёжки тупик, а отсюда роту повели на расчистку путей. И то, что я увидел, потрясло меня: под горами обожжённого железа лежали обугленные трупы – всё, что осталось от медико-санитарного батальона...

Массированные налёты вражеской авиации усиливались, и дорога на Ленинград, таким образом, была для нас перекрыта. Двое суток стояли в лесу,

ждали нового маршрута. На третий день на ранней заре погрузились в вагоны. Эшелон пошёл на юг, к озеру Селигер...

Вот уже и Торопец – древний русский городок. Как я теперь понимаю, он стал порогом, от которого начиналась моя фронтовая дорога длиною без малого в четыре года: через Ржев и Калинин, Ростов и Донбасс, Кавказ, Моздокские и Кубанские степи, Карпаты, Будапешт, Надьканиж и Австрийские Альпы. Только там, в маленьком городке Вильдон, встретил я светлый праздник Победы».

За годы войны отец окончил два военных училища: после тяжёлого ранения в подмосковной битве он был направлен в город Курган, где находилось Московское военно-политическое училище имени Ленина; учёба продолжалась всего три месяца, весной 1942 года состоялся досрочный выпуск, и отец получил назначение политруком в миномётную роту кубанской казачьей дивизии. В битве за Кавказ он был ранен, лечился в госпитале в Моздоке, но вернулся в свою часть. Когда был упразднён институт политруков, его направили в район Ташкента в артиллерийское училище, там учёба продолжалась четыре месяца. В марте 1944 года был направлен командиром батареи противотанковых орудий «сорокапятков» в резерв главнокомандующего. Воевал на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Участвовал в Яско-Кишинёвской операции, освобождал Болгарию, Румынию, с боями прошёл всю Венгрию, от Балатона через Югославию вышел в Австрию. Там и отпраздновал День Победы. Был награждён орденами Александра Невского, Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией...», благодарностями Верховного главнокомандующего И. Сталина. (Награды и письма отца с фронта находятся в Кемеровском областном краеведческом музее.)

Из Австрии отец возвращался на Родину через Румынию. 10 июля 1945 года он пишет маме: «...кончится война, останусь жив, начну писать о Кемерове... Книга, думаю, будет не меньше 10 печатных листов. Работы на два года, не меньше».

Из армии его не отпускали, дивизия была перемещена в г. Николаев Одесского военного округа. Он снова и снова пишет рапорты о демобилизации. И вот, наконец, его последнее письмо из Николаева 16 мая 1946 года: «Сегодня получил приказ о демобилизации...».

26 июня 1946 года он был зачислен литературным сотрудником в отдел партийной жизни, а с 1 октября стал заведующим промышленным отделом газеты «Кузбасс».

117

Снова командировки на предприятия и шахты Кузбасса, срочная работа для очередного номера газеты, «Литературные среды», где допоздна обсуждались новые произведения кузбасских авторов. Дома, в маленькой комнате, отца допоздна горел свет, он читал, конспектировал необходимые книги, документы, делал заготовки будущих произведений. Комната была наполнена книгами, журналами, подшивками газет.

Однажды я спросила отца, как он стал писать книгу о городе. Он ответил так: «Я получил задание от редакции написать статью о городе, кажется, к какой-то дате. Поднял много материала, встретился с людьми, побывал у архитекторов. Ещё были живы те кемеровчане, кто начинал строить город, многих я знал по комсомольской юности – вместе субботники проводили, тополя сажали на набережной, заводы строили, пескаррей в Искитимке ловили. Потом пошёл в архив, стал там искать материал, особенно меня интересовало, почему город так назван, что означает «Кемерово»? Тема меня увлекла, и вот получилась книга».

Почти весь номер газеты «Кузбасс» от 19 января 1947 года был посвящён городу Кемерово. Мне кажется, что именно это и было то самое задание редакции, с которого началась его систематическая, целенаправленная работа над темой о городе. Здесь истоки его книги «Кемерово», выдержавшей пять изданий.

Передовая статья той газеты называлась «Кемерово» и начиналась так: «Взгляните на Кемерово! Это – город, рождённый Великой Октябрьской социалистической революцией... Из двух притаёжных глухих деревушек – Щегловки и Кемерово – с кустарной угольной штольней и коксовой установкой в короткий срок, как сказочный богатырь, вырос Кемерово в крупнейший промышленный и административный центр могучего сталинского Кузбасса», а заканчивалась пожеланием «превратить Кемерово в большой, благоустроенный, красивый город, достойный названия столицы индустриального Кузбасса».

Вторая и третья страницы объединены общей «шапкой»: «Кемерово – город угля, химии, энергетики и машиностроения». На второй странице напечатаны статьи: «Перелистывая страницы прошлого», «Забытая окраина», «Город, рождённый сталинскими пятилетками», «Родина сибирского кокса», «Энергетическое сердце Кузбасса». На третьей странице, под фотопанорамой кемеровских заводов, напечатаны статьи: «Здесь строят машины», «Разбуженное богатство», «Сто продуктов из угля», «Завтрашний день», «Перелистывая страницы про-

шлого». Конечно, в подготовке этого номера принимал активное участие и заведующий промышленным отделом газеты И. А. Балибалов.

В начале 50-х годов отец уже вплотную работает над книгой «Кемерово». Он буквально «перелопатил» горы специальной литературы. Этого требовала и его новая работа. К тому времени он перешёл в Кемеровское книжно-журнальное издательство редактором технической литературы.

Первое издание книги! Для отца это был праздник, хотя выглядела она очень скромно: зелёный картонный переплёт, газетная бумага. С её оформлением были сложности, вызванные как слабой материально-технической базой типографии, так и тем, что город ещё только строился, многие здания стояли в строительных лесах. Поэтому наряду с фотографиями были использованы рисунки и даже архитектурные проекты.

При написании этой книги отцу пришлось ознакомиться с огромным массивом литературы и исторических документов. Он был знаком с трудами историков, а учась в Московской высшей партийной школе, слушал лекции известных учёных. Но не со всеми и не по всем вопросам он был согласен. Отстоять свою точку зрения можно было, только имея убедительные аргументы. Поэтому он много работал в архивах, читал литературу по многим отраслям знаний, записывал воспоминания старожилов. И он гордился тем, что смог доказать, что *«слава постройки и освоения коксохимического завода, самого северного в мире, принадлежит русским мастерам, в том числе Андрею Ефимовичу Ломаченко, Фёдору Михайловичу Житкову, инженеру Ивану Ивановичу Лоханскому»* («Кемерово»).

С особой любовью он писал главы «Рождение города», «Первые пятилетки», «Впервые освоено в Кемерово», ибо сам был не только свидетелем, но и активным участником процесса созидания. Материал для этих глав был у него не только собран, но и частично опубликован в газете «Кузбасс». Глава «Большое будущее» потребовала неоднократных встреч с архитекторами города Лаврентием Донбаем, Леонидом Моисеенко. Он приносил домой документы, чертежи, рассказывал, каким будет гидропарк в пойме реки Искитимки. К сожалению, не все проекты осуществились.

Читатели книгу заметили, тираж быстро разошёлся. Отцу звонили, писали, просили выслать книгу о городе. Это признание читателей очень радовало. Заявки на неё продолжали поступать, и вскоре встал вопрос о втором издании – в улучшенном, расширенном варианте. Отец сел за переработку.

Вскоре книга была сдана в печать. Сложностей с её изданием оказалось немало. После того как книгу уже набрали в типографии, было принято правильное решение о переименовании города Сталинска в Новокузнецк. Готовый набор был рассыпан, пришлось убирать из текста всё, связанное с именем Сталина. В Кемерове в одну ночь исчезли скульптурные изваяния вождя: перед кинотеатром «Москва» и на пересечении улиц Кирова и Н. Островского, где на высоком постаменте на скамейке сидели Ленин и Сталин.

В 1962 году выходит второе издание «Кемерово». Это была нарядная книжка небольшого формата в суперобложке, с цветными фотографиями. Отпечатали её в городе Йошкар-Оле, в типографии Министерства культуры Марийской АССР. Тираж остался прежним – 10 тысяч экземпляров, а вот объём вырос вдвое – до 13 печатных листов.

Сохранив канву первого издания, отец убрал главы: «Забытая окраина», «Создание большевистской организации», «Центр Кузнецкого округа», а также список литературы. Он изменил названия многих глав. Количество глав увеличил с 13 до 18, введя новые: «Здравствуй, город!», «Кузнецкий алмаз», «Энергетическое сердце бассейна», «На лесах новостроек», «Культурный центр бассейна», «На рубеже великого семилетия».

В предисловии автор написал: «Хотя книга выходит во втором, переработанном и дополненном издании, в ней нет полного и завершённого изложения истории возникновения, становления и перспектив дальнейшего развития географического, промышленного и административного центра бассейна – города Кемерово, ибо это не под силу одному человеку. В этом очерке даны лишь контуры, характерные штрихи города, возникшего в советские годы в глуши сибирской. Книга не дописана ещё и потому, что и город весь в лесах новостроек великого семилетия. Более полную и яркую книгу о Кемерове напишут его нынешние молодые строители, которым с этажей домов, поднимающихся сегодня над Томью, более рельефно и ощутимо видны далёкие горизонты нашей жизни».

Третье издание «Кемерово» вышло в 1968 году, к 50-летию юбилею города. Книга большеформатная, в коленкоровом переплёте и двуцветной суперобложке. Тираж – уже 15 тысяч экземпляров. Много интересных фотографий, которых нет в других изданиях. Текст опять подвергся переработке, отец хотел показать значимость города, его роль в жизни страны. Только в этом издании даны фотопортреты кемеровчан – Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда.

Четвёртое издание книги называется уже иначе: «Кемерово. Вчера. Сегодня. Завтра» (1976 г., тираж – 50 тыс. экз.). Она также быстро разошлась, её стали дарить официальным делегациям, приезжавшим в город.

Наконец последнее, пятое издание – «Кемерово вчера, сегодня, завтра» (1982 г., тираж – 30 тыс. экз.). Это уже улучшенное, сувенирное издание в переплёте горчичного цвета. На первой странице – крупным планом цветное фото центра города, хорошо виден драматический театр со сквером и фонтаном.

На последней странице обложки две фотографии: сверху небольшое фото отца и краткая справка: «И. А. Балибалов – один из ветеранов журналистики Кузбасса. Трудовой путь начал на Кемеровском коксохимическом заводе. После службы в Красной Армии в 1937 году по направлению комсомола пришёл в редакцию газеты «Кузбасс» и с тех пор связан с журналистской работой».

В годы Великой Отечественной войны – солдат, комиссар, командир артиллерийской батареи. Прошёл от Москвы до Вены, закончил войну гвардии капитаном, кавалером орденов Красной Звезды и Александра Невского.

Теме Кемерово журналист посвятил четверть века. Всё это время пишет он историю родного города. Книга выдержала несколько изданий, постоянно дополняется новыми материалами, дорабатывается».

Большую часть обложки занимает художественный снимок «Орбиты» на Притомской набережной, сделанный, как и другие фотографии, Ю. Сергеевым. Редактировала книгу Наталья Петровна Захарчук, чью редактуру отец считал наиболее удачной.

Книга состоит из следующих глав: «Здравствуй, город!», «Забытый клад», «Рождённый Октябрь», «Первые восходы», «Шагай, товарищ пятилетка!», «В грозные годы», «Кузнецкий хлеб», «Родники большой химии», «Энергетическое сердце Сибири», «Четвёртая профессия», «Это сделано у нас», «Культурный центр бассейна», «Город набирает высоту», «Завтра города». В заключении дан раздел «Из летописи города».

«Здравствуй, город» – своеобразное авторское приветствие столице Кузбасса.

Особую роль в написании главы «В грозные годы» сыграл сборник «Сибирский характер» (Кемеровское книжное издательство, 1963), составителем и одним из авторов которого был отец. Во вступлении он пишет: «В дни Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в боях советского народа с фашистскими захватчиками неувядаемой славой покрыли себя сибиряки-добровольцы, бойцы

и командиры гвардейских сибирских полков... Стойкий и выносливый на марше, находчивый в бою, терпеливый в обороне, неудержимо-стремительный в рукопашной схватке с врагом, беззаветный, самоотверженный в решающую святую минуту битвы за Родину – таков сибиряк».

Далее он пишет: «В дни, когда над Родиной нависла смертельная опасность, родились ударные добровольческие сибирские полки. 3 июля 1942 г. Совет Труда и Оборона СССР одобрил патриотический пример трудящихся Западной Сибири. Этот день и стал памятной датой создания двух кузбасских полков, вошедших вместе с новосибирским в состав 150-й стрелковой дивизии сибиряков-добровольцев... (Ив. Балибалов. От Кузбасса до Риги // Сибирский характер. Кемеровское книжное издательство, 1963).

Первыми добровольцами Кемеровского полка были коммунисты и комсомольцы, активные работники партийных, советских и комсомольских организаций А. П. Любимов, Я. Ф. Брежнев, Н. Н. Простомолотов, депутаты городского Совета И. С. Черданцев, М. И. Рыжков, С. И. Якимов, Н. Е. Пятикопеечный, Д. А. Тагильцев, В. Г. Овчинников... Желая вступить добровольцами в кузбасские полки было настолько много, что приёмные комиссии из трёх подавших заявление выбирали одного...

Сталинградской битвой ознаменовался перелом в Великой Отечественной войне. В эти же решающие дни кузбасские добровольческие полки ринулись на штурм вражеских укреплений под городом Белым.

Густые проволочные заграждения, минные поля, дзоты с бетонными колпаками, танки, вкопанные в землю и ведущие огонь прямой наводкой, пулемётные гнёзда на каждом метре родной поруганной земли, многослойный перекрёстный огонь – вот что встретили сибиряки-добровольцы на пути своего наступления.

Двадцать два дня, презирая смерть, крушили сибиряки-добровольцы вражеские укрепления на Ржевском выступе.

«Мы с гордостью патриотов Родины докладываем вам, – писали с фронта своим землякам добровольцы Кемеровского полка, – что наказ трудящихся города Кемерова нами выполнен с честью...»

После завершения кровопролитных боёв на Ржевском выступе соединение сибиряков-добровольцев было переброшено на Великолукский плацдарм. Перед кузбасскими полками была поставлена задача предотвратить угрозу прорыва гитлеровцев

к Великим Лукам. Сибиряки-добровольцы с марша атаковали сильно укрепленные высоты, занятые противником западнее города, и после многодневных боёв и дерзкой диверсии в район Новосокольников разгромили фашистский таран. <...>

За боевые подвиги, воинское мастерство в боях на Ржевском выступе, на Великолукском плацдарме и в лесах Валдая сибирские полки были преобразованы в гвардейские и сведены в Сибирский добровольческий корпус...».

Будучи в Великих Луках, я видела места боёв, много там памятников, особенно впечатляет памятник Герою Советского Союза Александру Матросову. Он сражался в 56-й гвардейской добровольческой дивизии сибиряков-кузбассовцев. Великолукские краеведы рассказали нам, что здешние бои не уступали Сталинградской битве, но носили отвлекающий характер, чтобы основным ударом сокрушить врага на берегах Волги. Меня поразили окрестности Великих Лук: крутые холмы, поросшие кустарником, лишь кое-где реденькие берёзки. Оказывается, во время оккупации фашисты вырубали и вывезли в Германию почти все зрелые деревья, особенно дубы. Более того, они даже срыли и вывезли верхний плодородный слой почвы. Вот почему дубравы не восстановились до сих пор. Это же настоящий грабёж национального богатства нашей Родины! К сожалению, наша страна не предъявила Германии соответствующий иск. И надо бы хорошенько посчитать, кто кому и за что должен. Тогда не пришлось бы победителям выплачивать бесчисленные долги, а самим жить в бедности.

«От Кузбасса до Рижского взморья пронесли свои боевые знамёна кузбасские воины-добровольцы... Пять раз салютовала Москва в честь успешных боевых действий воинов-сибиряков».

В главе «В грозные годы» отец показывает трудовой подвиг кемеровчан в годы войны: «Внезапное нападение гитлеровских полчищ на нашу Родину разом опрокинуло привычный уклад жизни сибиряков, но не нарушило трудового ритма на предприятиях города. На рабочие места к станкам, агрегатам, в забой и на леса строек пришли женщины-домохозяйки, старики и подростки. Не имея ни знаний, ни опыта, они настойчиво осваивали производство и горели одним желанием: дать фронтовикам всё, что надо для победы: оружие, хлеб, снаряжение, боеприпасы...

Главной заботой был уголь. В первый военный год к трём действующим шахтам прибавилось две новых: «Южная» и «Бутовская». Была создана рудничная автобаза с парком в 40 машин, открыты ремес-

ленные училища, школы фабрично-заводского обучения, курсовая сеть по повышению квалификации шахтёров.

С первых дней войны на шахте «Центральная» открылись школы по обучению женщин горняцким профессиям. К концу 1942 года на шахтах Кемеровского рудника работало 1 314 женщин, из них 321 – непосредственно в забоях. <...>

С временной потерей Донбасса и блокадой Ленинградского промышленного комплекса вся тяжесть снабжения советских войск вооружением легла на плечи Урала и Кузбасса. На ведущих предприятиях города – коксохиме и азотно-туковом заводе – все силы сосредоточились на расширении цехов, освоении новых видов продукции. Приказ Государственного Комитета Оборона требовал увеличения поставок электродного кокса Уралу в полтора раза. Как был дорог этот серебристый кусочек углерода и как сложно было его выжигать на стареньких печах. Достаточно сказать: в цехе день и ночь несли вахту люди в медных касках – так часто здесь возникали пожары... Но несмотря на все трудности задание Государственного Комитета Оборона было выполнено, а спустя два месяца коксохимиками увеличили выжиг электродного кокса в два с половиной раза» (Балибалов И. А. Кемерово вчера, сегодня, завтра...).

Активную помощь отцу в работе над книгой оказывала мама – Анастасия Павловна Ситникова. До войны она преподавала историю в средней школе № 1 города Кемерово. С осени 1942 года мама стала работать ответственным секретарём многотиражной газеты азотно-тукового завода. Когда отец писал главу «В грозные годы», мама приносила подшивки военных лет многотиражки «За Азот», заметки и документы из своего архива, письма с фронта, рассказывала, что происходило на заводе, в городе. Отец отбирал для книги самые, на его взгляд, интересные факты. Но, конечно, многое осталось «за кадром».

Из множества трудовых подвигов того времени отец взял в свою книгу только один эпизод из жизни завода: «Первая военная зима на азотно-туковом началась тревожно. На заводе не хватало необходимого сырья, материалов для ремонта оборудования. В первых числах февраля в колонны загрузили последние горсти извести. Вагоны были на подходе, но зима могла помешать транспортникам выполнить своё обещание. Допустить остановку завода, когда на учёте каждый килограмм продукции, было нельзя. Необходимо было во что бы то ни стало предотвратить всякую возможность срыва.

Был единственный выход – доставить несколько тонн извести на Денисовском заводе. Но как туда добраться в такую свирепую метель, как преодолеть двадцать километров сугробов в логах поймы Томи, подняться на приречные увалы? На лошадях? Нет. Надо прорваться на машинах.

Ранним утром колонна из пяти машин с тридцатью добровольцами во главе с парторгом завода Даниилом Борисовичем Оречкиным тронулась в путь. Можно себе представить, с каким напряжением пробивались азотчики сквозь пургу, если колонна двигалась со скоростью один километр в час. Таким же изнурительным был и обратный путь. Когда машины подошли к воротам, завод работал на последнем дыхании».

Война застала Кемерово деревянным, одноэтажным, с грязными неблагоустроенными улицами и заболоченными пустырями. По мере приближения фронта к Москве в наш город усиливался приток раненых воинов. Многие школьные здания были переоборудованы под госпитали. Заводские общежития были переполнены эвакуированными из западных областей страны. И в это время начали прибывать из Ленинграда, Киева, Харькова, Орехово-Зуева эшелоны с заводским оборудованием. Нужно было восстановить их и пустить в ход производства, обеспечить максимальный выпуск военной продукции. Думать о выборе удобных площадок для строительства новых корпусов было некогда. Главное – как скорее...

«Восстановление харьковского электромеханического завода началось на территории трамвайного парка и в расположенных по соседству с ним зданиях универмага и клуба строителей. В течение трёх месяцев в этих наскоро переоборудованных помещениях было установлено 316 станков, и завод начал давать продукцию фронту.

Сложнее оказалось найти место заводу «Карболит». Кроме Дворца труда в городе не нашлось капитальных зданий, где можно было разместить его тяжёлое оборудование. Многотонные прессы пришлось устанавливать в зрительном зале драмтеатра. Несколько цехов разместили в зданиях бывшего комбината «Кемеровотяжстрой», остальные – в гаражах и складах. Две даты показывают темп восстановления «Карболита»: 20 декабря 1941 года на станцию Кемерово прибыл последний эшелон с оборудованием, а 3 февраля 1942 года завод выпустил первую партию продукции.

Возрождёнными из пепла можно назвать производства каустика, лекарственных препаратов, анилиновых красок и метизов, получивших прописку в нашем городе в суровую зиму сорок первого...».

Указом Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года был установлен ежегодный праздник – День шахтёра, который должен был отмечаться в последнее воскресенье августа. С января 1948 года «Кузбасс» ввёл постоянную рубрику «Доска почёта передовиков угледобычи». Первым в ней поместили портрет знатного мастера угля Е. Бурлова с шахты «Центральная» треста «Кемеровоуголь». Отец хорошо знал его, неоднократно писал о нём, в нашем домашнем архиве хранился его фотопортрет – красивое русское лицо, волнистые волосы, прямой взгляд.

Вот что писал о нём отец в главе «Кузнецкий хлеб»: «Достойным преемником мастеров отбойного молотка первых пятилеток стал Егор Бурлов. Трудовой путь свой он начал на шахте «Центральная» лесодоставщиком. Прежде чем освоить профессию проходчика, ему пришлось вначале поучиться грамоте. В школе мастеров социалистического труда он прилежно изучал основы горного дела, методы и приёмы работы новаторов. Накопив опыт, Бурлов предложил свой способ скоростной проходки на газоносных пластах. Сущность его метода заключалась в том, что в сложных горно-геологических условиях он вёл проходку одновременно в двух забоях.

Выступив инициатором социалистического соревнования за досрочное выполнение первой послевоенной пятилетки, Егор Бурлов выполнил своё задание по проходке горных выработок за 2,5 года.

Родина высоко оценила самоотверженный труд кемеровского новатора угледобычи. В числе первых шахтёров Кузбасса Егор Афанасьевич Бурлов был удостоен звания Героя Социалистического Труда».

В главе «Родники большой химии» отец с большой любовью пишет о коксохимическом заводе и его тружениках: «Первенец сибирской индустрии, наш коксохим, послуживший вместе с угольным рудником основной базой мощной углехимии Сибири.»

Большой новаторский вклад в развитие отечественного производства электродного кокса внёс талантливый инженер Борис Сергеевич Филиппов. Он предложил создать быстроходные регенеративные печи для коксования не твёрдого, как было принято раньше, а жидкого пека. Пековые печи конструкции кемеровских инженеров были приняты на вооружение коксохимической промышленностью страны...

О творческом вкладе Б. С. Филиппова в развитие отечественной коксохимии – переводе Кемеровского коксохимзавода на новый режим коксования в быстроходных динасовых печах при высоком накале – отец писал в очерке «Высокий накал».

В 1951 году в альманахе «Сталинский Кузбасс» была опубликована пьеса отца «Высокий накал», где

прообразом одного из героев пьесы стал Борис Сергеевич. В 1953 году в том же альманахе был напечатан папин очерк «Рождение кокса», где описано, как было выполнено ответственное задание правительства по увеличению выпуска кокса во время войны и внедрение новой конструкции печей по выжигу кокса после войны, за что кемеровские инженеры Б. С. Филиппов, К. В. Золотарёв, Е. И. Яхнис, Н. П. Токарев были удостоены Сталинской премии.

«Оправдались предвидения первых строителей завода: Кемеровский коксохим стал школой инженерной практики. Опыт кемеровчан послужил основой создания отечественного коксового комплекса, отвечающего современным требованиям технического прогресса». И сегодня, в XXI веке, Кемеровский коксохимический завод (акционерное общество «Кокс») производит нужную для страны продукцию.

В своей книге отец показывает и другие крупные химические предприятия города: «Карболит», производственное объединение «Азот» (бывший Новокемеровский химкомбинат), анилино-красочный завод, завод химического волокна. К сожалению, в то время не разрешалось в открытой печати писать о предприятиях Кировского района «Прогресс» и «Коммунар».

Защита природы Кузбасса стала ещё одним направлением деятельности отца. В марте 1972 года он опубликовал в «Кузбассе» статью «Как защитить кедр», которая была затем перепечатана в газете «Известия». На статью было много откликов, отцу писали со всех концов страны.

В 1975 году он стал редактором-составителем альманаха «Земля Кузнецкая», который, по его словам, «должен стать, в известной мере, копилкой знаний, тем круглым столом, за которым каждый мог бы сказать своё слово. Он открывает свои страницы для всех желающих поделиться мыслями, исследованиями, знаниями и опытом в деле защиты и преобразования природы родного края». Отец многие годы сотрудничал с Кемеровским областным советом Всероссийского общества охраны природы, который возглавлял Г. Корницкий, заместитель председателя областного исполкома.

Отец много писал в защиту рек Кузбасса, особенно Томи. Эта тема сблизила его с известным кузбасским поэтом и публицистом, коренным кемеровчанином Геннадием Юровым. Тема реки стала одной из ведущих в его творчестве. В папином архиве я нашла рецензию на книгу Г. Юрова «Сын реки». Отец пишет: «Я не знаю в Сибири другого поэта, который бы говорил о главной теме, названной учёными эко-

логической <...> Время красноречивых призывов в защиту природы прошло, пришла пора делами показать свою любовь неистребимую к матери-природе... Звучит в его голосе призывная мысль, на первый взгляд парадоксальная: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Спасая природу, преобразуя её, мы спасаем сами себя – такова неумолимая диалектика жизни».

И ещё их объединяла любовь к родному городу. Отец как бы передал ему творческую эстафету, написав на одной из своих книг, подаренных Г. Юрову: «Я город грунтовал полсотни лет, ты продолжай – пиши портрет».

С 2001 года Г. Юров становится главным редактором краеведческого альманаха «Красная Горка». В обращении к читателям журнала заявлено: «Выпуски краеведческого альманаха «Красная Горка» (2–3 номера в год) будут способствовать воссозданию полнокровной, многоцветной, подробной биографии города, который мужал на скрещении интернациональных и международных связей страны, участвовал в наращивании её индустриальной мощи и в создании броневоего щита Родины для отражения фашистского нашествия... Издание адресовано самому широкому кругу читателей... Оно вплетает Красную Горку как первооснову в биографию города, выявляет роль Кемерова в истории Кузбасса и в истории страны...».

Учредителем журнала стал музей-заповедник «Красная Горка». Идею создания такого музея отец неоднократно обсуждал с Г. Юровым, который пишет в своём очерке «Государственный человек» (в сборнике памяти И. А. Балибалова): «...Я приходил к Деду часто и всегда видел на столе рабочую рукопись. И он читал мне то наброски исторической повести, то заметки о творчестве своего товарища, старейшего кузбасского поэта Михаила Небогатова, стихи которого ценил высоко. То пьесу из шахтёрской жизни. Порой Дед загорался глобальной идеей:

– Музей шахтёрской славы. Под открытым небом. Вот что нам нужно.

Идея мне понравилась. Музей включал и Горелую гору, где Михаила Волков зажёл первый костер, в котором вместо дровишек запылял «горючий камень», и древнюю пристань, откуда отправлялись купеческие баржи с углём в Томск, и старые штольни, и все постройки и здания, возведённые членами АИК «Кузбасс» в двадцатых годах.

– И деревянный двухэтажный барак на Красной Горке, где я родился и вырос, – подсказываю Деду.

– Почему бы нет? Я бы и канатную дорогу к коксохиму восстановил, отыскал бы старые вагонетки,

в которых уголь поставлялся на завод. А главное – отбойный молоток, проходческий комбайн Гуменника, современные комплексы... Пусть ребяташки посмотрят...».

Отец в 1988 году опубликовал статью «В память наших отцов и дедов. Монумент: где ему быть? Каким быть?» (Кузбасс. 1988. 7 февр.).

Мечта двух кемеровчан сбылась: в 1990 году было принято решение о создании музея «Красная Горка». В конце лета мы с отцом поехали на Красную горку. В помещении будущего музея ещё находился детский сад, в пристройке к дому Рутгерса спали дети, но уже все знали, что скоро детсад будет переведён в новое здание.

Почти десять лет шли ремонтно-реставрационные работы, музей-заповедник расширялся, сейчас там есть что посмотреть – настоящий забой, мощная горношахтная техника стоит во дворе, прекрасные экспозиции, образцы материальной культуры, мемориальные помещения. Он интересен не только горожанам, но и гостям города, туда приезжают из-за границы родственники аиковцев, соотечественники голландского архитектора, по чертежам которого начинал застраиваться Рудничный район в далёкие двадцатые годы. В музее сложился замечательный коллектив энтузиастов музейного дела, ведётся научная работа, проводятся школьные экскурсии, различные культурные мероприятия.

Папа всегда был окружён людьми, неравнодушными к родному краю. Особенно его привлекала молодёжная аудитория. Он часто выступал в школах, домах пионеров, библиотеках. Когда кемеровская телестудия проводила конкурс для школьников, он составлял вопросы, возглавлял жюри. Тема конкурса была ему близка: «Знай и люби свой край». С телестудии ему привозили ответы ребят, многие присылали красиво оформленные альбомы с фотографиями, рисунками. Отец был очень доволен, что ответы ребят были обстоятельными, интересными. Особенно он радовался, когда обнаруживал в них неизвестные для себя факты.

В одной из своих статей отец писал, как он работает над книгой о Кемерове: «Работа историографа весьма кропотлива и трудоёмка. Собрать материал нелегко, ещё труднее его, как говорится, переварить, осмыслить, убедиться в достоверности. В погоне за одной деталью события приходится неделями перебирать архивные папки, ворошить кипы старых газетных подшивков и журналов, доставать и перечитывать десятки редких книг по различным отраслям знаний, разыскивать и беседовать с непосредственными участниками того или иного собы-

тия. И уж потом садишься за письменный стол. Я преисполнен благодарности всем работникам архивов, библиотек, краеведческого музея, принимающим горячее участие в моём поиске материалов.

Кроме этого, мне и самому за полстолетия жизни в городе посчастливилось в разное время работать или встречаться с учёными, инженерами, работниками культуры и искусства, архитекторами, новаторами производства, которые внесли посильный творческий вклад в строительство города. К слову сказать, достоверные сведения о возникновении первой большевистской ячейки в городе я получил от её организаторов – Филиппа Степачёва, Василия Журавлёва и Максима Смирнова, с которыми мне довелось вместе работать на кладке печей коксохимма. Памятными для меня остались встречи с первым строителем дважды орденоносного коксохимического завода Иваном Ивановичем Лоханским, положившим начало созданию отечественной системы современных коксовых печей, с Героем Социалистического Труда геологом-лутугинцем Василием Ивановичем Яворским, начинавшим свою исследовательскую работу на Кемеровском руднике, с почётным гражданином города Михаилом Алексеевичем Подгорбунским, лауреатом Государственной премии, профессором Владимиром Николаевичем Ясниковым... К сожалению, здесь не представляется возможности назвать многих и многих, кто помогал мне словом и делом...

В минувшем году я в пятый раз подготовил к переизданию книгу, с новыми дополнениями. Целиком переработал главу о культурном росте областного центра, дополнил свежими фактами все главы, где речь идёт о развитии материальной базы города и его завтрашнем дне, назвал новые имена кемеровчан, внёсших творческий вклад в сокровищницу новаторского опыта, уточнил факты из начальной истории города...

Должен признаться своим читателям: опять сдал книгу в издательство недописанной до конца. Спросите почему? Да дело в том, что настоящие авторы книги заняты сейчас напряжённым созидательным трудом во всех звеньях материального производства, культуры и благоустройства жизни горожан, они решают неотложные задачи одиннадцатой пятилетки. И когда они выйдут на заданный рубеж, вот тогда в книге появится новая глава. А завершения опять не будет...».

Отец прожил яркую, насыщенную событиями жизнь. У него всегда были творческие планы. Так, в 1989 году он сообщил мне в Ленинград: «Хочу написать «Последняя ночь войны», страничек на 6–7, да

что-то не везёт. Воспоминания, оказывается, писать очень трудно...». Работал он почти до последних дней своей жизни, хотя со здоровьем было неважно. Но он никогда не жаловался, не хотел никого обременять. Он ощущал себя солдатом и нам советовал стойко держаться в любой ситуации.

И сегодня я часто перечитываю те слова, что когда-то написал мне отец:

«Всегда помни, что ты русская, и гордись своей землёй и своими предками, которые не были совершенными, много в них было и обидного, и смешного, но в них люби главное – труд их, заботы о грядущих поколениях. Они отстояли землю, на которой тебе приходится жить, они её украсили как могли, они создали для жизни то, что успели, а ты разумно пользуйся своим наследством и смотри вперёд, думай, а что же ты-то оставишь своим потомкам, чем они тебя будут вспоминать».

О последних днях жизни отца написал Г. Юров в очерке «Государственный человек»: «Я навещал Деда до конца и, огорчаясь изношенностью и угасанием его тела, радовался могучести его духа, ясности и трезвости ума, жадному интересу, с которым он воспринимал каждую весточку о событиях в стране накануне августовского путча 1991 года. Самого путча он не застал. Может, и хорошо, что не застал. Это было бы лишним для него потрясением. Травмой душевной.

Когда-нибудь нам придётся отвечать на вопрос: каким же это образом несчастная страна, руководимая «коррупцированной бандой» и населённая «совками» (выражение, сочинённое жёлтой прессой), оболваненная лживой идеологией и пропагандой, угробившая в лагерях лучшую часть народа, утратившая экономические стимулы к труду и творчеству, семь десятилетий была великой державой, оказалась единственной в мире силой, способной противостоять фашизму, одержала победу в той страшной войне, восстановила в короткий срок своё хозяйство, создала собственное атомное, а затем ядерное оружие и первой вышла в космос?

Я думаю, произошло всё это благодаря таким вот «русским Ванькам», как называл себя Балибалов, поверившим в «светлое будущее всего человечества». Судьба Ивана Алексеевича – история страны, и в этом смысле – он личность историческая, государственная.

Умер – и государство распалось...

В своей долгой и насыщенной событиями жизни Дед мог костерить начальство, власть, систему так, как никаким диссидентам и не снилось. Но утром вставал и шёл на работу, и вкалывал не за страх и

не за деньги, а потому, что дети растут и город строится. И страна должна быть сильной, иначе сомнут, затопчут. Родившийся в крестьянской семье, он понимал: какая бы морока ни случилась, а сеять всё равно надо».

Начиная с 1998 года в Кемерове проводятся Балибаловские чтения, уже состоялись восемь научно-практических конференций, издаются их материалы. Постановлением администрации города Кемерово с

2007 года учреждена Премия имени И. А. Балибалова за особые достижения в области краеведения и публицистики. Эта премия вручается 12 июня на мероприятиях, посвящённых празднованию Дня города. В 2018 году будут проводиться Девятые Балибаловские чтения, посвящённые 100-летию юбилею Кемерово. Летописание продолжают кемеровчане – молодые учёные, ветераны, школьники, все, кого трогают проблемы родного города.

Послевоенный коллектив редакции газеты «Кузбасс». Отец во 2-м ряду слева второй, в гимнастёрке

Совет ветеранов войны при горвоенкомате. Отец пятый слева, в свитере